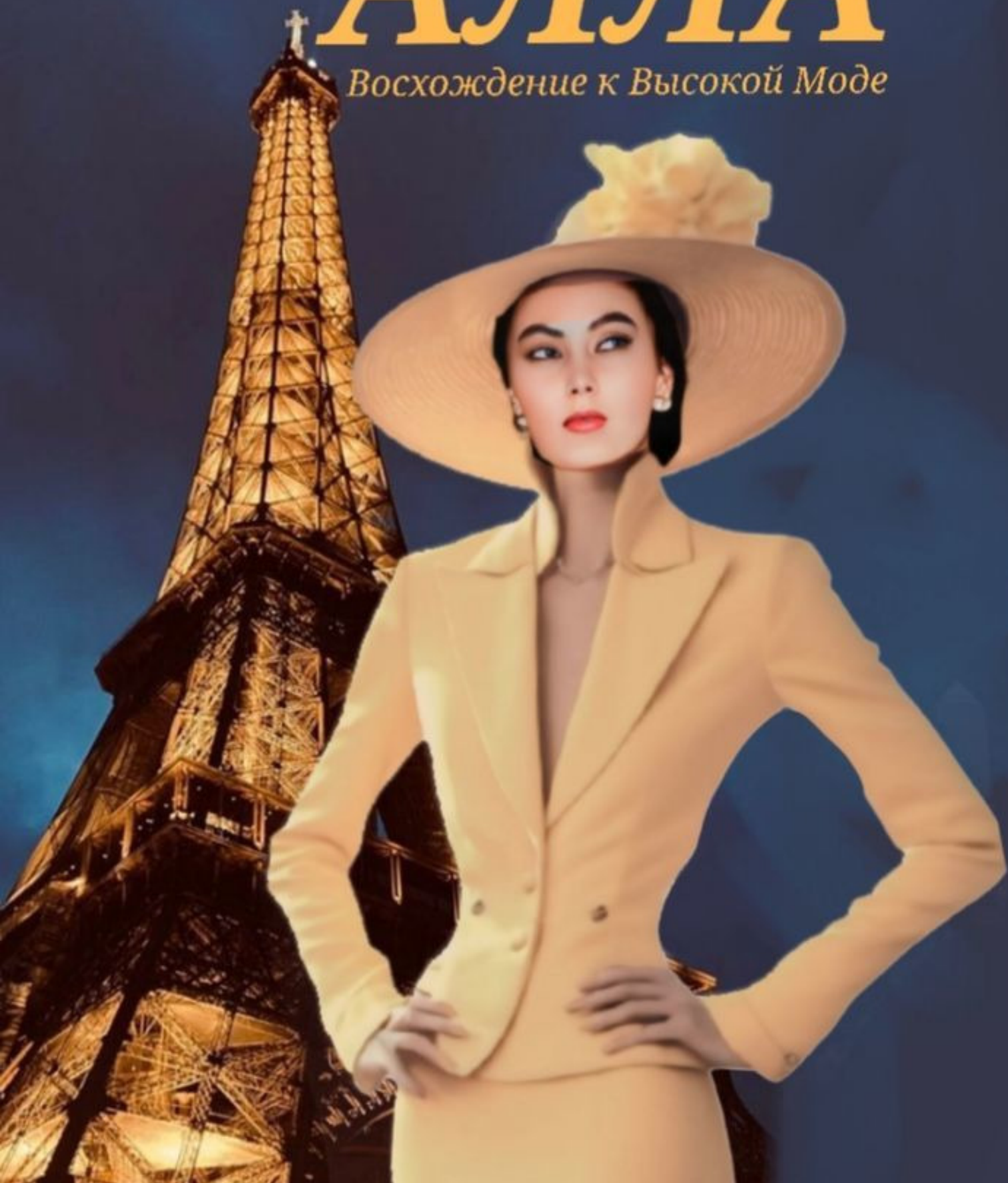

18+

Гюльнара Нойманн

АЛЛА

Восхождение к Высокой Моде

Гюльнара Нойманн

**Алла. Восхождение
к Высокой Моде**

«Издательские решения»

Нойманн Г.

Алла. Восхождение к Высокой Моде / Г. Нойманн —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-646455-1

Биографический роман о судьбе и модельной карьере в Высокой Моде Аллы Ильчун, знаменитой в 1950-ые годы манекенщицы Кристиана Диора. Ее карьера длилась в общей сложности около 20 лет, но пик ее пришелся на десятилетие работы с Кристианом Диором. Именно этот период описан в первой части романа. Алла была первой в мире моделью с азиатским лицом в истории Высокой Моды, и это порой вызывало негативные реакции современного ей общества. Книга является первой частью дилогии «Алла».

ISBN 978-5-00-646455-1

© Нойманн Г.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Пролог. Атака на поезд	7
Глава 1. Шанхай. Прощание с отцом	9
Глава 2. Школьные сложности	11
Глава 3. Новый макияж. Стрелки	13
1940Глава 4. Немецкий оккупант	16
Глава 5. Кастинг в ателье моды	20
Глава 6. Платье «Май»	24
Глава 7. Сон с аруахом	30
Глава 8. Первое дефиле	32
Глава 9. Встреча с прошлым	39
Глава 10. Знакомство с Андре	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алла Восхождение к Высокой Моде

Гюльнара Нойманн

© Гюльнара Нойманн, 2024

ISBN 978-5-0064-6455-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Благодарю за огромную помощь и поддержку мою любимую семью, которая подарила мне возможность написать эту книгу.

Благодарю господина Берлина Иришева, открывшего миру Аллу Ильчун и познакомившего меня с ее историей жизни, за его неизменную поддержку и вдохновение.

Дорогие друзья!

Перед вами первая часть трилогии, повествующей о звездной модельной карьере знаменитой манекенщицы Кристиана Диора Аллы Ильчун и связанных с ней людей. Действие романа происходит в далекие 50-ые годы прошлого века.

Книга написана в формате биографического романа и основывается на фактах биографии Аллы Ильчун, бережно воссозданной из архивных материалов и рассказов близких Алле лиц командой Ассоциации казахстанцев во Франции, возглавляемой господином Берлином Иришевым. Этот гигантский труд был им описан в пяти документальных книгах на четырех языках. В этой книге я использовала факты из книги «Загадка Аллы Ильчун». Также использованы материалы документального фильма «Алла-восточная жемчужина Диор».

При этом, конечно, эта книга, которую вы держите в своих руках, не является строго документальной, а все-таки художественным произведением, базирующемся на некоторых фактах биографии Аллы. Роман охватывает, в основном десятилетие работы Аллы Ильчун с Кристианом Диором.

Надеюсь, эта книга найдет своего читателя, которому будет интересен тот непростой путь, который прошла Алла Ильчун в своей долгой двадцатилетней карьере модели. Сейчас таких женщин мы называем супермоделями и они являются иконами стиля для всего мира. Высокая мода и ее яркие представители всегда будоражат воображение людей. Я хочу, чтобы вы, мои дорогие читатели, как и я сама, полюбили Аллу во время или после прочтения этой книги.

Преодолевая условности своей эпохи, расизм и непонимание, она, вместе с Кристианом Диором, тоже внесла свой весомый вклад в общекультурный фонд человечества, открыв дорогу на подиумы Высокой Моды для всех, независимо от цвета кожи и страны происхождения!

Личная жизнь Аллы Ильчун тоже нашла свое отражение в этом романе. И я надеюсь, что вы, дорогие читатели, поймете, что стиль изложения соответствует духу той эпохи. Я попыталась прожить хотя бы часть жизни Аллы Ильчун в этой книге, и надеюсь, вам будет интересно узнать, каким образом состоялось восхождение Аллы на Олимп Высокой Моды.

Алла – прирожденная манекенщица. Предположим, сегодня ей поручат показ коллекции. При любых обстоятельствах она сохранит невозмутимость и хладнокровие.

Алла говорит на всех языках без акцента, как будто ее колыбелька побывала во всех странах мира.

Кристиан Диор «Я-кутюрье»

Пролог. Атака на поезд

1936

Поезд медленно полз по бескрайней маньчжурской равнине в предзвездной мгле, как большая деревянная гусеница на колесах. Он полз, не включая света в вагонах, пытаясь спрятаться от вездесущих японских самолетов. Он шел из уже захваченного японцами Харбина в пока ещё свободный Шанхай, перевозя всех, кто не хотел или боялся оставаться под властью японцев.

Уставшая от переживаний отъезда, Аля спала на кожаном сидении купе, неудобно поджав под себя худые голенастые коленки и положив голову на колени сидящей рядом мамы. За мамой сидела тетя Али, младшая сестра мамы, обняв руками небольшой баул с вещами.

Тамара тихо переговаривалась с сестрой, размышляя о том, где можно остановиться в Шанхае, пытаясь вспомнить кого-нибудь из знакомых и родственников, кто мог бы им помочь освоиться в новом для них городе. Отец Али оставался в захваченном Харбине, рабочих и служащих железной дороги японцы не выпускали из города. Он планировал приехать в Шанхай позже.

Неожиданно поезд дернулся и остановился. Наступила полная тишина. И вдруг ее разрезал тяжелый звук, идущий с неба.

В серых сумерках рассвета на небе были видны будто игрушечные фигурки самолетов и стал слышен мерный рокот бомбардировщиков. Этот звук наплывал, становился густым, оглушительным и вселял панический ужас в людей. В момент, когда первый самолет достиг поезда, звук стал натужно-грохочущим, внушающим страх.

Грохот первой бомбы, сброшенной на поезд, будто взорвал воздух. Вагон накренился, люди закричали, сорвались с мест и начали открывать и выбивать окна, пытаясь выбраться наружу.

Аля сразу проснулась и сначала не могла понять, что происходит. Мама куда-то исчезла, как и сидевшая рядом с ней тетя. Все оглушительно кричали, все вокруг выло, орало и материлось, шум стоял оглушительный. Звуки взрывов падающих бомб перекрывали крики и вопли людей.

Алла сидела, закрыв руками уши и с испугом оглядывалась, пытаясь в этой темноте и суматохе найти взглядом маму и тетю. Было страшно.

– Куда делась мама? – стучала в ее голове единственная мысль. Аля подтянула коленки, будто пытаясь вжаться в мягкую кожаную спинку дивана. Что делать, куда бежать? Мысли хаотично металась в голове, так же, как испуганные люди вокруг.

Взрывы раздавались почти непрерывно, сливаясь в страшную какофонию. Ужаса добавлял и оглушающий рокот бомбардировщиков, деловито уютивших равнину.

Аля крепко зажмурила глаза и начала горячо молиться. Отец научил ее своей молитве и она с жаром вспоминала непонятные слова, проговаривая их негромко, почти неслышно. По ее лицу текли слезы, но она продолжала сидеть и молиться на своём диванчике среди мечущихся и кричащих людей.

Через некоторое время звуки разрывов прекратились. Самолеты, будто выполнив свою работу, построились в группу и спокойно уходили на восток.

Рассвет вступил в свои права и в окно купе уже было видно, что все поле вокруг усеяно фигурками разбегающихся, сидящих на земле и лежащих людей. Аля перевела взгляд на небо. Там виднелись уже неясные контуры улетающих самолетов.

Проводив их взглядом, Алла поспешила слезть с заваленного вещами диванчика и побежала искать мать.

И нашла ее почти возле своего вагона. Мама, как деревянная, сидела прямо на земле, метрах в десяти от вагона, держа в руках окровавленную голову тети, которая кулем лежала на земле.

Алла бросилась к маме с криком: – Что с тетей?!

Мама подняла усталые, измученные глаза и заплакала: – Тетя умерла. В нее попал осколок бомбы.

Как ни странно, сам путь не был разрушен. Ни одна бомба прямо не попала в железнодорожную колею. Можно было двигаться дальше. Но надо было что-то делать с погибшими пассажирами.

Люди молча рыли могилы всем, что попадалось под руку. Какими-то обломками деревянной обшивки вагонов, кусками изувеченного кривого металла. В поезде в основном были эвакуированные из Харбина члены русской православной общины. Ставили крестики на могилках из всего, что нашлось.

Через полдня поезд, почистив разломанные вагоны и скрипя оставшимися частями своего состава, изрешеченного осколками бомб, снова начал свой путь, похоронив погибших прямо в поле.

Аля снова сидела на кожаном вагонном сидении, рядом с заплаканной мамой. Перед глазами ее все ещё стоял весь пережитой кошмар. Она обнимала маму за плечи, молча утешая ее и думала о словах отца, который, отправляя их в Харбине, сказал ей, склонившись, тихо на ухо: – Аруак қолдайды сені, балам. Она не знала точно, что он сказал, но догадывалась по смыслу происходящего, что это могло означать.

Она знала про аруахов, духов предков, отец немного рассказывал ей обо всем. О его далекой родине, где были высокие горы, широкие степи, цветущие весной алыми цветами, синие реки, несущиеся прямо с гор в пустыню. Отец рассказывал о своей родине и глаза его загорались особенным блеском.

– Но почему мы не живём на твоей родине? – спрашивала маленькая Аля, втайне от мамы частенько околачиваясь на заднем дворе, где отец тренировал в свободное время своего любимого вороного коня.

– Мы обязательно поедем туда, как только будет у меня свободное время, дочка! – говорил отец. Там нас ждут множество родных людей, ты всех увидишь и познакомишься. И они очень похожи на тебя.

Аля уже понимала, что они с отцом отличаются от всех их знакомых, у них была своя, особенная внешность. И она гордилась своими почти черными миндалевидными глазами, точь-в-точь похожими на глаза отца, и своими тёмными, пышными волосами.

Да, она была особенной и резко выделялась среди всех знакомых белобрысых и светлоглазых детей харбинской русской общины.

Поезд шёл, покачиваясь, скрипя и стелая всеми ранеными частями своего железного тела и Алла, вся в мыслях о случившемся и об отце, вся в слезах, потихоньку заснула.

Глава 1. Шанхай. Прощание с отцом

– Я не знаю, когда мы увидимся, дочка...

Усталый голос отца вернул Алю на землю. Но она, держа его крепко за руку, все ещё порывалась обернуться на пришвартованный корабль, который увезет их с мамой из этого шумного и многолюдного Шанхая в Европу, о которой у нее не имелось никакого представления.

Отец стоял, слегка наклонившись, и держал обе руки дочери в своих. Было ещё тепло, но люди вокруг были одеты в теплые вещи, плащи и даже пальто, держали в руках чемоданы, сумки и большие матерчатые баулы.

Скоро надо будет сесть на пароход, чтобы покинуть этот негостеприимный город. Грозовые тучи, висевшие над портом, будто задевали своим брюхом стоявшие на длинном рейде пароходы и все вокруг заволакивало сильно пахнущей углем и чем-то кисло-острым, взвесью туманного воздуха и воды.

Аля смотрела в черные глаза отца, на его топорщившийся хохолок на затылке и в ее глазах закипали слезы.

– Папа, почему ты остаешься? Поехали с нами! Купи билет! Я не хочу, чтобы ты остался!

Отец неумело улыбнулся, хотя его губы дрожали.

– Аля, я приеду, как только смогу. Просто ждите меня.

Тамара, стоявшая рядом, будто впервые увидела мужа и дочь вместе. Как же они похожи! – мелькнуло в ее голове. – Но как же мы будем жить в Париже без него? – с этой мыслью она повернулась к дочери.

– Аленька, папа приедет попозже. Не расстраивайся, доченька. Мы все будем вместе очень скоро. – она нежно поправила дочери прядь волос, выбившуюся из-под шапки.

Куантхан выпрямился, все ещё держа дочь за одну руку, второй приобнял Тамару. От ее волос пахло чем-то приятным, наверное, духами. Он незаметно втянул запах ее волос, наслаждаясь. Потом поцеловал дочь в щеку, потерся носом об ее носик и почти весело сказал: – Ну, что, девочки, сейчас будет погрузка. Держитесь крепко за руки. Аля, мамину руку не отпускай! Я понесу чемоданы впереди, двигайтесь за мной. Я буду вашим ледоколом!

Чуть позже раздался душераздирающий рев паровозного гудка. Толпа сразу оживилась и начала двигаться, продавливая ограждение, к поручням входных створов. Ильчуны, крепко держась друг за друга, медленно продвигались ко входу.

Взойдя на вторую палубу, они втиснулись в узкий коридор, где располагались каюты, медленно, в толпе, прошли его до середины, где находилась та каюта, что была обозначена на билетах. Куантхан внес в каюту чемоданы, Тамара с Алей сразу присели на застеленные кровати, стоявшие по сторонам каюты. Здесь было чисто, везде был порядок. Тамара подошла к двери и прикрыла ее.

– Женя, может, останешься с нами? Давай, вместе уедем? Тут места хватит на троих. Потом как-нибудь решим вопрос с билетом.

– Тамара, ты же знаешь правила. Скоро придут проверять и меня все равно высадят. Я заработаю и приеду к вам. Будешь в Париже, отметься в китайском посольстве, оставь там адреса, где вы поселитесь. Когда я приеду, найду вас через них.

Тамара знала, что за их с Алей билеты муж отдал всё, что у них было, да еще и остался должен всем, кого знал.

– Ну, я пойду. – он вздохнул. – Береги дочку, жена. А ты, дочь, береги маму. И ждите меня, я обязательно приеду!

Аля нехотя отпустила руку отца. Внутри кипели слезы, но она знала, что громко плакать при нем не стоит. Стыдно же. И поэтому стояла, опустив голову, чтобы он не заметил предательских дорожек слез, что так и текли по смуглым щекам.

Отец порывисто обнял по очереди жену и дочь, вздохнул и вышел в коридор, все ещё набитый народом и стал медленно пробираться к выходу.

Глава 2. Школьные сложности

1940

– Эй, новенькая! Ты что, правда, можешь видеть такими щелками? Это что, глаза у тебя такие?

Алла даже не повернула головы на этот издевательский окрик.

– Эй, я тебе говорю, оглобля! – паренек, подкравшись сзади, дернул ее за руку, пытаясь обернуть к себе лицом.

Алла нехотя остановилась и высокомерно посмотрела дразнившему ее школьнику в лицо. Он был довольно симпатичный, но глаза его смотрела чересчур дерзко.

Алла, оглядев его и прищурившись, перевела взгляд на его руку, все ещё державшую ее за рукав. Нижняя челюсть ее автоматически выдвинулась вперед, обещая нахалу нечто серьезное.

Паренек, ощутив угрозу, сразу отпустил ее рукав и она продолжила движение по школьному коридору.

Но он снова догнал ее и, подпрыгнув, крикнул почти в ухо: – Эй, я с тобой разговариваю! Так ты не видишь и не слышишь, что ли?

Раздались смешки одноклассников. Алла снова остановилась и посмотрела прямо в глаза обидчику. Зеленовато-карие глаза в облаке каштановых ресниц смотрели на нее насмешливо и даже дерзко. Но снизу вверх.

– Я тебя вижу и слышу, коротышка. – спокойно ответила она. – А ты похож на девчонку с такими ресницами! Ты красишься, что ли? Ты, вообще, кто? Шпана местная?

Раздались снова смешки, мальчишки начали повторять ее слова каждый на свой лад и хихикать.

Ресницы его обиженно дрогнули. Потом он запальчиво крикнул: – А ты страшная! И косматая! И здоровая, как мужик!

– А ты что, завидуешь, коротышка? – с этими словами Алла отвернулась от него и вошла в класс.

Да уж, везде одно и то же. Узкоглазая, оглобля, страшная... Теперь ещё и мужик. И когда это кончится, мама?

В новой школе Алле было снова неуютно. В четырнадцать лет уже пора заканчивать всякие школы. Но мама упорно твердила, что нужно хотя бы иметь аттестат, даже если идет война. И Алла, скрепя сердце, пошла доучиваться в новую школу, хотя ей казалось, что лучше бы найти работу, а не просиживать время в компании этих мелких придурков.

В классе было шумно, но, когда прозвенел звонок, шум моментально стих. Все уже сидели за своими партами, раскладывая книги и тетради. Алла тоже уже сидела за самой последней партой, оказавшейся свободной.

Учитель оглядел учеников, увидел новое лицо и жестом пригласил Аллу к доске.

Алла встала, оправила юбку, спокойно вышла к учительскому столу и встала рядом с учителем. Они были одного роста, Алла казалась даже немного выше из-за худобы.

– Прошу тишины. Позвольте представить вашему вниманию нашу новую ученицу Аллу Ильчун. Расскажите нам о себе, пожалуйста.

Алла промолчала.

Весь класс молча смотрел на Аллу. Взгляды были разные. Любопытные, хмурые, веселые, озорные. Алла равнодушно оглядела весь класс, не останавливая взгляда ни на ком конкретно, и стала смотреть на заднюю стену классной комнаты. Туда, где была ее парта.

Увидев молчаливую реакцию Аллы, учитель сказал: – Прошу вас занять ваше место.

Алла, не торопясь, подошла к своей парте у задней стены класса и села. Урок начался.

На перемене к ней подбежали девочки и начали расспрашивать, где она училась раньше. Алла коротко сообщила всю информацию о себе и, улыбнувшись, спросила, как кого зовут. Она знала, что девочки отвлекутся от ее персоны, рассказывая о себе. Рядом встала девочка с русыми волосами и тронула Аллу за рукав.

– Меня зовут Элен, давай дружить. – сказала она и несмело улыбнулась Алле.

Класс наполнился шумом и звонким смехом. Девочки, перебивая друг друга, скопом говорили Алле свои имена, что-то спрашивали, сами же отвечали, создавая ту особую какофонию звуков, что обычна для подростков.

Алла не слушала всё это, а размышляла, сможет ли закончить школу с этими детьми. Учитывая еще и наезд того лохматого дурачка. Интересно, что ему надо?

Дурачок, кстати, сразу же и объявился перед ней. Видимо, он был местным задирой и верховодил всеми.

– Алла Ильчун, или как тебя там? А ты туземка, что ли? Ты откуда родом такая? У вас там все такие косматые?

Кажется, внешность Аллы ему не давала покоя. Хотя волосы были заплетены в две толстые косы и каждая прядка имела свое место. Называть ее лохматой – это прямо дикая фантазия какая-то!

Вообще-то так было всегда. Где бы Алла не училась, начиная с Харбина, всем и всегда она была интересна своей особенной внешностью, своей непохожестью на других.

– Я расскажу тебе, откуда я родом, немного позже. Один на один. – нехотя ответила Алла, посмотрев на него искоса своим особенным взглядом. – До чего ж надоедливый... – подумала она.

Паренек, будто уловив исходящую от нее угрозу, сразу отодвинулся, а потом и ретировался в другой угол, к другим ребятам и начал что-то рассказывать, поглядывая на нее.

На уроке французского языка и литературы тот самый задира Патрик никак не мог правильно выстроить предложение. Задание было несложным, но он не мог справиться.

– Кажется, французский язык не является его сильной стороной, – подумала Алла.

Намучившись с Патриком, из которого не смог выбить ни одного членораздельного слова, учитель расстроено оглядел класс и спросил, кто может правильно построить фразу и разложить ее на грамматические составляющие. Не колеблясь, Алла подняла руку. Учитель приподнял бровь, явно удивившись, но потом жестом дирижера попросил Аллу выйти к доске.

Алла, уверенно стуча мелом, разложила предложение на главные и второстепенные члены, и, закончив разбор, аккуратно положила мел на место. Вытащив из нагрудного кармана носовой платочек, она тщательно обтерла пальцы от мела и, аккуратно его сложив, убрала в тот же карман.

Задира все ещё стоял у учительского стола, повесив голову.

– Вот, полюбуйте на Патрика! Даже Алла смогла выполнить это задание! А ты, Патрик! Ты же француз! Тебе не стыдно? Садитесь на место! Оба! – повысив голос, недовольно прокричал учитель.

Алла шла к своей парте, размышляя по поводу слова «даже», сказанном учителем по отношению к ней. Он, что, считает, что она, если не француженка, то не должна или не может знать язык страны, в которой живет уже больше трех лет? А Патрик должен знать, что ли, больше нее? Потому что он – француз? Так половина французов не умеет писать без ошибок! В отличие от нее.

Глава 3. Новый макияж. Стрелки

Вернувшись вечером домой, Алла бросила портфель на застеленную кровать, сверху него бросила пальто. Потом подняла пальто и аккуратно повесила на плечики. Пальто было уже коротковато, выше колен, да и рукава становились все короче. Нового не предвиделось, так что и с этим надо быть бережнее. Мамины вещи ей были уже малы.

Портфель поставила под стол, села на стул и стала представлять, как поговорит с мамой. Которой, как всегда, дома не было. Вечерние выступления в кафешантане забирали у Тamarы и без того скудные часы общения с дочерью.

Алла решила ждать маму и не спать. Кроме того, хотелось что-нибудь поесть, а в доме было, как говорят, шаром покати. Алла пошла на кухню, и тщательный осмотр дал ей небольшую зачерствелую горбушку хлеба, завалившуюся за хлебной корзинкой. Все равно придется ждать маму, она же хоть немного еды принесет из ресторана. А пока Алла зачерпнула кружкой отстоянной воды из ведра и досыта напилась, заев воду найденной горбушкой. Почти сыта. Теперь можно и ждать.

Она снова вернулась в комнату, переделась во все домашнее и села на стул, разбирая туго заплетенные косы на пряди. Гребешок она вынула из ящика стола и начала расчесывать свои пышные волосы. Голова, освобожденная от тяжести туго заплетенных кос, стала как будто легче.

Произошедшее сегодня в школе снова встало перед глазами. Алла снова, как и в школе, почувствовала, как в ее груди надувается, как большой шар, злость на этого дурачка. Усилием воли она сдула грозивший лопнуть шар своего гнева и решила больше об этом не вспоминать. Подумала, что было бы чудесно проснуться однажды такой же, как все. Или стать такой невероятно, божественно красивой, чтоб у всех ее обидчиков сперло дыхание от ее вида! Или бы просто вернуться в Харбин, к отцу.

Чем понапрасну злиться, Алла решила поработать над своей внешностью, особенно, глазами. Ну, почему ее глаза такие узкие, что кажутся маленькими? Как бы их увеличить? Алла вытащила из школьного пенала черный угольный карандаш и попробовала нарисовать на одном глазу полосы на верхнем и нижнем веке. В маленьком зеркальце обрисованный глаз выглядел как-то по-дурацки. Как у клоуна. А если второй обрисовать?

Алла прилежно постаралась повторить обе полосы и на втором глазу. Вышло, как у Чарли Чаплина. Обрисованные черным глаза стали больше и выразительнее, но совсем не европейского разреза.

Можно, конечно, потренироваться и сделать полосы разной ширины. Не обязательно такие толстые. Уголь немного припачкал нижние веки, осыпаясь сверху и Алла стала выглядеть, как шарманщик на углу их улицы. Тот тоже копировал Чарли Чаплина, наверное.

Алла покрутила зеркальце, приближая и удаляя его, пытаясь увидеть оба глаза вместе. Наконец, ей удалось увидеть общую картину. Да уж, чересчур театральное лицо получается.

Мама Аллы пела иногда в опере, когда начала учиться в консерватории и Алла пару раз наблюдала, как наносят грим артисты перед спектаклем. И тут она вспомнила, что в маминой коробочке из-под леденцов есть маленький театральный карандашик с серебряной шапочкой. Алла побежала в мамину комнату и быстро нашла в шифоньере металлическую круглую коробочку. Карандаш был там, ура!

Ну, теперь совсем другое дело! Этим карандашом линии получаются гораздо тоньше! Алла тщательно обтерла оба глаза мокрым носовым платком и стала снова рисовать две полосы на веках. Полоски получились вполне даже приличные. Но глаз перестал казаться большим. Он стал просто круглее. А щеки – еще объемнее.

Быстро нарисовав второй глаз, Алла побежала вновь в мамину комнату, где на внутренней створке шкафа было зеркало побольше. Разглядывая свое лицо при неярком свете электрической лампочки, Алла поняла, что даже обрисованные со всех сторон, ее глаза остаются очень небольшими на довольно щекастом лице. Интересно, откуда такие щеки, если на мне можно увидеть каждое ребро, а живот прилип к позвоночнику? – подумала Алла.

Карандаш все ещё был в руке и Алла вдруг решила провести ещё одну черточку, от угла глаза к виску. Как у египетских богинь. Эффект был неожиданно сильным!

Глаз почти удвоился в длину и будто замерцал изнутри. Добавив черточку и ко второму глазу, Алла с удивлением смотрела на свое отражение.

В зеркале отражалась юная брюнетка с пышными волосами и таинственно мерцающими, глубокими глазами! А эти несносные щеки будто исчезли! Ну, почти...

– Ого! Надо маме показать! Пока смывать не буду. – решила Алла и отправилась в свою комнату, ждать маму. Вновь села за стол, без конца рассматривая в деталях свои нарисованные глаза в маленькое зеркальце.

Потом энтузиазм ее понемногу стал стихать и Алла стала смотреть, как за окном вечер превращается в ночь. Как включаются окна в соседних домах. У кого-то свеча дает неровный, мятущийся по стенам свет, где-то ровно, хоть и неярко горит электрическая лампа. Алла рассматривала картину наступающей ночи, ощущая, как тяжелеют ее веки.

Потихоньку голова ее клонилась все ниже и ниже, пока не легла на скрещённые на столе руки. Алла спала.

Ей опять снился все тот же повторяющийся сон. Она стоит, вцепившись побелевшими костяшками пальцев в поручни на верхней палубе парохода среди сотен других людей и смотрит, как все меньше и меньше становится фигура отца, стоящего с поднятой рукой среди огромной толпы провожающих. Толпа на пирсе начинает расходиться, растворяться и остается только одна фигура с поднятой рукой.

У Али, держащейся рукой за холодные металлические поручни, все лицо залито слезами. Слезы текут непрерывно, но она молчит. Только неистово машет одной рукой удаляющемуся так быстро отцу, будто зовя его к себе.

Тамара на цыпочках вошла в комнату дочери, увидела, что она спит, сидя за столом, и нежно окликнула ее:

– Доча, я пришла, просыпайся, пойдем, перекусим.

Алла вскочила, будто и не засыпала. О сне напоминала лишь дорожка из слез, блеснувшая на щеке. Алла вытерла холодивший след на щеке тыльной стороной ладони.

– Да, мама, я сейчас.

Мать прошла на кухню, поставила на стол небольшой пакет с едой из ресторана. Это был ее личный ужин, который она забирала домой, чтобы накормить дочь. Сердобольный хозяин иногда давал что-нибудь дополнительно, маленькие круассаны с завтрака, оставшиеся от клиентов или булку. Сегодня ничего дополнительно не дал.

Быстро расставив тарелки и приборы, они молча сели и принялись за еду. Доев все, что было на тарелке, до последней крошечки, Алла подняла глаза на мать.

– Мам, можно я не буду ходить в школу? Мне нужно найти работу, я уже почти взрослая. Могу мыть посуду в вашем ресторанчике. Или официанткой.

– Мне кажется, мы уже всё обсудили, доченька. Аттестат тебе ещё нужен будет. Война не вечна. И тебе не нужно портить руки. Это не дворянское занятие. А что у тебя с глазами, кстати? Ты что это такое нарисовала?

– Знаешь, меня и тут уже начали дразнить. Я не такая, как все. Мальчишки пристают опять. Говорят, что я страшная. Вот, решила нарисовать себе глаза побольше. Ну, и как тебе, нравится? Кстати, а когда мы вернемся домой, к папе?

– Боже, о чём ты говоришь, Аленька?! Война идет по всему миру! Как мы поедем в Китай? Это другой конец света. Знаешь, может, нас там никто и не ждет. Ты же видела, какая там страшная война! Тетю твою убили на твоих глазах! Отец, если б жив был, как-нибудь дал бы знать о себе.

– А как он дал бы знать, мама? Мы же переезжаем постоянно. Да и вообще, я вижу, что ты его забыла с этими твоими ресторанами и гастролями. Но папа все ещё твой официальный муж. Сделай запрос в китайское посольство. Может, он жив?

– Хорошо. – Тамара тяжело поднялась и зевнула, перекрестив по привычке рот. – Пойдем спать. Уже очень поздно. Скоро утро. И помой лицо тщательней, а то как ты пойдешь в школу с таким лицом?

1940 Глава 4. Немецкий оккупант

1940

Алла проснулась от страшного грохота. Стучали во входную дверь, и, кажется, руками и ногами. Залился истеричным лаем соседский шпиц, разбуженный этим стуком.

Накинув старенький халатик, мама уже бежала к двери, сопровождаемая тоже вскочившей и трясущейся от страха Аллой.

– Кто там? – спросила у двери мама каким-то спертым голосом.

– Комендатура! – послышался мужской голос с сильным немецким акцентом. – Открывай!

Мама отперла замок и открыла дверь. Дверь грохнула об стену, а застывший в проеме двери немецкий офицер только занес было руку, чтобы опять начать стучать.

Коротко оглядев хозяев, он деловито протиснулся мимо ошарашенных матери и дочери, и, громко топая, прошел в комнату.

– Я здесь будет жить! Вот направление! – громко сказал он и поставил свой портфель на стол.

Начав раздеваться, снял офицерскую португепю, шинель, повесил их на спинку стула и, оглянувшись и увидев возле двери вбитый неведомо кем большой гвоздь, повесил на него фуражку.

Мать с дочерью так и стояли, открыв рты, возле все ещё открытой двери.

– Что ты стоять? Давать завтрак! – отдав приказ, немец уселся на стул, широко, по-хозяйски, раздвинув ноги и откинувшись на спинку стула.

Мать, дрожа в своем старом халатике, взяла онемевшую Аллу за руку и быстро повела ее на кухню.

– Мама, кто это? – испуганно озираясь на приоткрытую дверь в зал, спросила шепотом по-русски Алла.

– Не знаю, дочка, может, его к нам расквартировали, – таким же шепотом ответила мать.

– А что теперь делать? Мы что, с ним должны жить?

– Наверное. Давай, поставь кофейник на плиту. И это, как его там, господи, зажги печь!

Алла трясущимися руками чиркала спичкой, пытаясь зажечь огонь в плите. Наконец пламя немного начало разгораться. Наполнив кофейник водой из ведра, Алла поставила его на плиту. Выглядывать в зал было страшно. Мать аккуратно нарезала весь оставшийся с вечера хлеб. В доме больше ничего не было. Кофе тоже был ненастоящий, цикорийевый, его давали по карточкам.

Поставив на поднос тарелочку с хлебом, чашку с блюдцем и закипевший кофейник, Тамара понесла его в зал. Алла неотлучной тенью следовала за мамой, пригибаясь и страшась.

Офицер, увидев настолько скудный завтрак, открыл было рот, чтобы что-то спросить, но потом захлопнул его и стал деловито открывать свой портфель. Откуда извлек батон хлеба, коробочку сахара и несколько баночек консервов.

– Вот, нарезать хлеб и открыть консервы. Как тебя зовут?

– Тамара, – несмело ответила мать.

– А это кто, твоя служанка?

– Это моя дочь, Алла.

– Почему он такой странный? Азиат? – удивился офицер.

– Мы приехали из Китая, ее отец и мой муж – китаец.

– А где муж?

– Остался в Китае.

– Ясно. Наливать кофе!

Мать налила кофе в чашку и стояла возле стола, не зная, что делать дальше. В своем же доме она не знала, как себя вести.

Алла тихонько на цыпочках пробежала в свою комнатку. Оделась и стал прислушиваться к разговору мамы и офицера.

Громко прихлебывая кофе с сахарином, офицер критично оглядывал Тамару.

– Садись, – разрешил он ей. Тамара несмело уместилась на краешке стула и сложила руки на коленях.

– Я будет спать в спальне. – сказал он вдруг, с полуулыбкой глядя на Тамару. – Ты спать со мной.

Тамара внутренне охнула, но быстро опустила глаза. – Что делать? Ведь застрелит и меня и дочку, если буду сопротивляться, – подумала она. Надо было смириться.

– Хорошо! – подняв на него глаза, громко сказала Тамара.

– Я будет приносить продукты. Ты будет готовить. Дочка убираться. Так жить.

– Хорошо.

– Ты и твой дочь будет учить немецкий язык. Я трудно говорить французский.

– Хорошо. – снова сказала Тамара.

Он вроде не такой ужасный, – подумала она про себя.

Так и началась жизнь Тамары и Аллы с немецким оккупантом. Он оказался действительно не таким ужасным. Ему нравилась французская культура, Париж и его архитектура, сама жизнь в Париже с его многогранной культурной программой. Конечно, все было не так, как до войны, но ведь он об этом не знал.

Тамара ему тоже понравилась, они оказались ровесниками. Он по-своему даже заботился о них, иногда называл своими девочками. Работал он в районной комендатуре, заведовал каким-то складом и часто приносил такие продукты, которые Тамара и Алла никогда не видели раньше.

Потихоньку жизнь устроилась, хотя сначала Алле было очень неприятно, когда по утрам она видела офицера, выходящего из маминой спальни. Что он там с ней делал, она предпочитала не думать. Мама сама ее об этом попросила.

За четыре года жизни в Париже с мамой, Алла привыкла к стилю жизни матери, ставшей кафешантанной певицей. Тамара, забросив диплом зубного техника, полученный в Харбине, за ненадобностью, поступила на учебу в русскую консерваторию Рахманинова. Захотела стать оперной певицей, благо, природные данные для этого были. Учась там, она познакомилась с нужными людьми и даже спела в опере несколько партий. Но основной доход приносили выступления в ресторанах Парижа и его окрестностей. Труппа, сформированная из студентов консерватории, почти вся была русской.

Но к моменту вторжения немецкой армии во Францию, вся артистическая деятельность Тамары пошла сильно на убыль. Тамара почти не зарабатывала, перебиваясь случайными заработками. Часто не было самого необходимого.

Алла, будучи подростком, к своим четырнадцати годам сильно переросла маму и недоедание и даже частое отсутствие еды сформировало ее тип фигуры. Она была очень худенькая, но довольно высокая.

Элен, ее классная подруга и наперсница, а также ее кузина Надин, часто звали ее к себе переночевать, пытаясь подкормить ее. И Алла с удовольствием оставалась у них, вместе с ними посещая балетный класс.

Высокую Аллу в балет не приглашали, но, глядя на разучивающих пируэты подружек, Алла полюбила танцевать в своей комнате. Теперь, после оккупации, обо всем этом, казалось бы, можно было забыть.

Но жизнь налаживалась даже в условиях оккупации, Алла все так же ходила в школу, снова практиковалась в танцах, всё стало, как прежде. Почти.

Только теперь мама жила с немецким офицером, который их обоих кормил, но заставлял учить свой лающий язык.

Общаясь с русскими подругами, Алла узнавала, что многие их знакомые из русских эмигрантов принимали участие в сопротивлении немецким оккупантам. Шла подспудная борьба с врагом и время от времени Алла узнавала о тех, кто попался. Она рассказывала обо всем этом матери и они обе мечтали о том дне, когда немцев выгонят из Франции. Но мать взяла с Аллы честное слово, что Алла никогда не будет участвовать в партизанской борьбе.

– Аленька, если тебя схватят, как Скрябину, то даже Макс не сможет тебя спасти. Будь умницей. И ты ещё ребенок.

Но Алла мечтала о том, чтобы уйти в партизаны и освободить свою новую родину от фашистской оккупации. Вместе с подружками они строили планы побега, пытались овладеть медсестринскими навыками, тренировались друг на друге в перевязках. Алла хорошо понимала, что она не сможет переступить через запрет матери, но помечтать же можно?

Тамара иногда всё ещё выступала в ресторанах, но, получая паёк немецкого сожителя, потихоньку становилась почти буржуазной дамой. Даже внешне это становилось заметно, по одежде и ее поведению. И соседи осуждали ее, понимая, на чем зиждется относительное благополучие этой маленькой семьи.

Алла стеснялась этой ситуации, хотя лично к Максy не испытывала неприязни. Тот, первый день их знакомства, в общем, не был типичным и для Макса. Он сам происходил из немецких бюргеров и жизнь в Париже в семье эмигрантов из Китая, была для него тоже нетипичной. По-своему он старался создать некое подобие семьи. И даже немного занимался с Тамарой и Аллой немецким языком, мотивируя это тем, что Франция навсегда останется в границах великого немецкого тысячелетнего рейха, а им обязательно нужно знать язык великого Гёте. Чтобы поднять свою культуру.

Тамара и Алла уже сносно болтали по-немецки, но на третий год оккупации Макса перевели в другой город и Тамара с Аллой осталось одни. Больше к ним никого не подселяли.

С продуктами стало совсем плохо, по карточкам почти ничего не давали и Алла стал совсем худенькой. Тамара приносила из ресторанов, где пела, какие-то остатки пищи. Этим и питались. Денег едва хватало на аренду квартиры, и они решили снова переехать в крошечную двухкомнатную квартирку в 16 округе Парижа, где они никого не знали.

Наступил четвертый год оккупации. Американцы высадились на Ла-Манше и в Париже забурлили надежды на скорое окончание оккупации, а может быть, и войны.

Немцы уходили тихо, растворяясь в ночи, совсем не так, как входили в Париж четыре года назад.

Американцы, высокие и белозубые, наводнили улицы Парижа. Везде была слышна американская речь.

Алле удалось устроиться на работу секретаршей к американцам. Удивительно, но английский язык давался ей значительно легче, чем немецкий. Может, из-за особого настроения?

Кто-то донёс на Тамару, что она жила с немецким офицером. И ей пришлось ходить в администрацию округа, доказывать, что она не виновата. В конечном итоге, санкции к ней решили не применять, так как она не была француженкой. Да и новые знакомства Аллы среди американцев помогли снизить градус претензий к Тамаре. Алле пришлось тоже давать показания и она честно сказала, что жизнь с немецким офицером в одной квартире – очень трудная задача, с которой не всякий бы справился. В каких бы отношениях ее мать не состояла с немцем, это ее личное дело, она не гражданка Франции.

Власть округа, и без того обремененная множеством проблем в послевоенном Париже, решила не форсировать решение по Тамаре. В итоге, все сошло на нет. Этому помог и недавний переезд в 16 округ Парижа, где Тамару никто не знал и с немцем под ручку не видел.

Так закончился период военной оккупации Парижа и Алла стала взрослой.

Проработав почти два года в миссии, Алла уже вполне свободно изъяснялась по-английски. Работа ей нравилась, но природная скромность не позволила ей завести кавалера среди американцев. Да и понятно было, что все они ненадолго в Париже, работники постоянно менялись. Миссия закончила свою работу неожиданно, и Алла снова встала перед проблемой, где найти работу.

Послевоенный Париж вовсе не был Клондайком в смысле работы. Однажды, когда Тамара оказалась случайно в консерватории, выяснилось, что в подвале открылась столовая. Им требовались работница и Алла, скрепя сердце, пошла в посудомойки. Работа была тяжёлой и грязной, но там кормили и можно было что-то получить продуктами. По карточкам давали только самое необходимое и очень мало. Так прошло полгода.

Алле очень хотелось найти интересную и хорошо оплачиваемую работу. Подружки постоянно ходили на кастинги во все парижские кабаре. И Алла тоже попытала счастья в кабаре «Лидо». Ей хотелось танцевать, а там были подготовительные классы. Так и не получив от «Лидо» никакого конкретного предложения, она продолжала искать.

Алла иногда встречалась с другими русскими эмигрантами, девушками своего возраста. Многие из них пробовали себя в качестве манекенщиц во вновь открывающихся модных домах. Элен и Надин тоже пробовались, но у них особо не получилось, несмотря на опыт в балете.

Глава 5. Кастинг в ателье моды

1947

В один из долгих вечеров середины ноября, когда Алла мыла в столовой тарелки и приборы, к ней забежала поделиться новостями подруга Надин.

Закончив помывку очередной партии грязной посуды, усталая Алла сняла резиновые перчатки, которые надевала, чтобы кожа рук не стала жесткой и красной от применения мыла и вышла вместе с Надин во дворик столовой, чтобы покурить и послушать новости подруги.

Они присели на рассохшуюся скамейку, стоявшую там явно не одно десятилетие и Алла приготовилась слушать.

Надин всегда приносила вести, что и где происходило, где есть хоть какая-нибудь работа. Вот и сейчас она с энтузиазмом начала рассказывать, что на авеню Монтень открылось новое шикарное ателье, где нанимают на работу каких-то манекенщиц.

– А что это такое вообще? – из приличия поинтересовалась Алла. Ноги у нее, после стояния у чана с грязной посудой в течение нескольких часов, немного ныли и гудели.

– Ой, это интересная работа! – оживилась Надин. – Представь, на тебя будут шить платья, которые потом будут продавать женщинам из высшего общества. Там работает Таня, ты же знаешь ее, княжна Кропоткина. Говорит, что работа не тяжелая. И платят нормально. А Таня там звезда!

– Ааа... – протянула Алла. – Ну, мне там ничего не светит.

– Зачем ты так! Может, мы им понравимся? – не отступала Надин. – Ты же завтра свободна, пойдем со мной. Просто постоишь, посмотришь, что за заведение. Ну, пожалуйста!

Алла понимала, что Надин стесняется или боится идти одна. И решила помочь подруге. Мало ли, вдруг они возьмут Надин на работу?

– Ладно, пойду. Даже интересно стало, что это за работа такая.

На самом деле такая работа не интересовала Аллу. Ей хотелось попасть в кабаре «Лидо», где работа явно повеселее, чем стоять, утыканной булавками на подиуме. Или ещё где.

Наутро девушки, наряженные по последней парижской моде, в теплых платьях и плащах, поехали на автобусе в центр, на авеню Монтень, 30. Именно там должен был проходить отбор манекенщиц.

Стоя в довольно большой очереди, Алла с любопытством разглядывала девушек. Каких там только не было! Прихорашиваясь перед маленькими зеркальцами, девушки красили губы и с комическим энтузиазмом подмигивали сами себе в зеркальце, будто говоря – кто, если не ты?

Двери ателье открылись, вышла молодая женщина и предложила претенденткам пройти внутрь. Алла хотела подождать на улице, но потом решила войти внутрь из-за холодного ветра. Надин, волнуясь, без конца теребила платочек и спрашивала, как она выглядит. Алла флегматично сообщала ей, что она очень хороша.

Помощница месье Диора предложила всем пройти в гримерки. Девушки разошлись. Вестибюль опустел и Алла осталась одна. Мимо нее то и дело пробегали люди в белых комбинезонах, где-то внутри помещений ателье, судя по звукам, явно шел ремонт.

Через некоторое время Алле стало скучно. Непонятно было, сколько ждать. Алла решила найти подругу и узнать, что ей делать дальше. Пройдя большой зал справа, она попала в коридор, где как раз и шел ремонт. Неподалеку остановился мужчина в возрасте, окинул внимательным взглядом Аллу и ушел. Через минуту из двери гримерки выскочила девушка и подбежав к Алле, предложила тоже участвовать в кастинге. Не успевшую возразить Аллу быстро завела в гримерную, где уже действовали проворные гримерши.

Они быстро раздели Аллу, надели на нее шелковое платье с широкой юбкой, и красивым пояском в тон платья, подобрали туфли на каблуке, оказавшиеся очень неудобными. Потом посадили перед зеркалом, намереваясь что-то делать с прической. Распустив ее волосы, забранные с утра в низкий пучок, гримерша восторженно заахала, прищелкивая языком.

Волосы, избавленные от заколок и шпилек, обрамили лицо Аллы буйными темно-каштановыми волнами, спускаясь вниз почти до линии талии. Ещё раз восхитившись, гримерша попыталась усмирить шевелюру Аллы, закидывая волосы то налево, то направо. Решив что-то окончательно, она закрутила волосы вправо в форме раковины, втыкая и втыкая в прическу десятки шпилек.

Накрасила Алле губы алой помадой, удивительно точно подошедшей к ее цвету лица, черным глазам и бровям полумесяцем. Больше ничего делать было не надо. В зеркало на восхищенную гримершу смотрела какая-то восточная принцесса. Алла с любопытством следила за своей трансформацией, узнавая и не узнавая себя в этой девушке напротив.

Аллу попросили выйти и пройти по вестибюлю, где все так же что-то делали рабочие. Пройдя его до конца, Алла в недоумении вернулась в гримерную, где остались ее вещи. Переоделась и вышла, беспокоясь, куда же делась Надин. Пока с ней возились, переодевая и окрашивая ее, она забыла спросить, где остальные девушки.

Выйдя в главный вестибюль, она сразу увидела Надин в группе девушек. Все были возбуждены и шепотом рассказывали друг другу о своих превращениях.

Вышла давешняя девушка и сообщила, что месье Диор информирует всех о своем решении через несколько минут. Девушки, было притихшие, с новым жаром начали перешептываться. Помощница модельера оглядела всех и подошла к стоящей поодаль Алле.

– Мадемуазель, вы ангажированы.

Алле показалось, что она ослышалась.

– Извините, что вы сказали?

Девушка улыбнулась и ещё раз повторила.

– Но, я не видела месье Диора! Как он мог меня ангажировать?

– В вестибюле ателье был месье Диор и видел вас.

– Но там были только рабочие!

– Он был среди них. С указкой. – Девушка терпеливо улыбнулась и попросила заполнить анкету.

Заполняя довольно длинную анкету, Алла думала, нужна ли ей эта работа. Она ещё раз оглядела зал, оформленный в бело-серых тонах, с большими хрустальными люстрами и обитыми бархатом слегка позолоченными креслами.

Ателье будто говорило ей – тут роскошь и богатство! Соглашайтесь!

Алла закончила заполнять анкету и вдруг поймала взгляд Надин, смотревшей на нее с удивлением и даже восхищением. Алле стало неудобно. Она осознала, что в этом зале является единственной, кто заполняет анкету. Среди всех этих прекрасных блондинок и шатенок, она – единственная, кому месье Диор предложил сразу же ангажемент! Он что, не увидел, что она сильно отличается от красавиц рядом?

Удивленная этим открытием, Алла отдала анкету помощнице, но сказала, что должна посоветоваться и подумать, прежде чем подпишет бумаги. Помощница месье Диора кивнула и, попрощавшись, ушла вглубь ателье.

Выйдя на улицу, ошарашенные подруги медленно шли. Алла, осознав, что Надин не знает, что произошло, пока она отсутствовала, коротко рассказала о своем участии в отборе.

Надин, все ещё под впечатлением от трансформации Аллы, шла, слушая вполуха. И, волнуясь, неожиданно заявила – Алла, дорогая, я очень рада, что тебя взяли!

– Ну, я даже не знаю, как маме сказать. Я же в «Лидо» хочу работать! Теперь что, я должна идти в манекенщицы? А всё ты, пойдём, да пойдём! – Алла с притворным гневом стукнула кулачком Надин.

Девушки весело рассмеялись, и начали рассказывать друг другу о том, что с ними делали гримерши на кастинге.

– Ты представляешь, она кидала мои волосы туда-сюда, вообще не представляя, что делать с такой копнищей волос! И затолкала в мою прическу штук сто шпилек. И прическа все равно разваливалась! – со смехом рассказывала Алла подруге свое приключение.

– Ой, Аллочка, да она в первый раз, небось, увидела столько волос сразу, да на одной голове! – веселилась Надин – Представляешь, как ей трудно было!?

Вернувшись домой, Алла решила серьезно поговорить с мамой. Конечно, работа в столовой давала возможность питаться самой и даже приносить что-нибудь домой. Но и выматывала сильно, особенно в те дни, когда надо было самой греть воду во дворе в большом котле на дровах. И заносить в больших и тяжелых ведрах в кухню столовой.

Мама вернулась не слишком поздно, и Алла в лицах рассказала ей со смехом историю своего неожиданного ангажемента. Мама гораздо серьезнее восприняла идею работать манекенщицей.

– Аленька, ты же видишь, что наш финансовый уровень упал, уже ниже некуда. Может, это как раз удача – получить работу в среде богатых клиентов? Я думаю, ты можешь согласиться и начать там работать, как можно быстрее. Но надо узнать насчет жалованья. Как и сколько будет платить. Сходи туда завтра и все разузнай. Потом примешь решение.

– Но, мама, а как же мой кастинг в «Лидо»? Я так хотела танцевать!

– Аля, послушай меня. Понимаешь, ты же слишком высокая для кабаре и всегда будешь выделяться из строя танцовщиц. То есть, в кордебалет тебя не возьмут. А в примы тебя точно не возьмут. Там большой опыт нужен и поддержка важной персоны. А такой у тебя нет. Сама подумай!

– Хорошо, мама. – Алла привычно поцеловала мать в щеку. – Я – спать, устала что-то сегодня. Много впечатлений.

Улегшись в постель, Алла закрыла глаза и стала молиться богу, чтобы завтрашний день сложился удачно.

Глава 6. Платье «Май»

1948

– Ой! Укол иглы вернул Аллу из мечтаний на землю. Мастерница случайно уколола ее, пытаясь уложить воздушную вышитую ткань в складки юбки и формируя фижмы. Складки надлежало приметать к белой основе юбки в особом порядке. Сама верхняя ткань была тончайшей прозрачной органзой, на которой были вышиты шелковой гладью зеленые листья клевера и красные, розовые и белые цветочки в виде сборных шелковых узелков по всему полю.

– Да... Папаша Лесаж уж как постарался, такую большую площадь расшить – это вам не шуточки!

Юбка, как любил мэтр Диор, должна была быть собрана в мягкие и пышные складки. Уходило на пошив, конечно, очень много красивейшей вышивки и шелка. Но платье того стоило. Готовили его к весенне-летнему сезону. Вышивка была сделана давно, наверное, с год назад и хранилась для особого случая, но собиралось это платье воедино только сейчас.

Сначала, конечно, был собран образец из белой туалы, и потом, после бурного обсуждения и выбора ткани, собиралось само платье.

Алла стояла на круглой подставке, время от времени слегка поворачиваясь, когда швеи просили об этом. Стоять так приходилось часами, ведь платье выкраивалось практически на теле, и на нем же и собиралось.

Манекенщицы в ателье дома Диор были приблизительно одного размера, но формы их были, конечно, не одинаковыми. И когда мэтр придумывал особое новое платье, отшивалось оно исключительно на одну из своих, кабинетных манекенщиц. Причем, сначала из туалы, хлопчато-бумажной ткани, типа сатина. А потом уже выбиралась ткань, из которой шился коллекционный экземпляр.

Если платье получалось очень интересным и могло иметь коммерческий успех, его дублировали на несколько размеров, не выходя, впрочем, за 40 размер. Это было связано с особенностями кроя. Большие размеры могли просто по-другому выглядеть, чему мэтр всегда противился.

Лишь особенные клиентки могли попросить размер побольше, но тогда готовили другие лекала, чтобы крой не терял своей привлекательности. И стоило это уже совершенно другие деньги. Хотя и в малых размерах такое платье стоило целое состояние!

Для Аллы, работавшей в ателье уже второй год, такое платье было вообще не по карману. Кабинным манекенщицам платили небольшую дневную ставку, в неделю это выходило около 35 франков, и стоять на примерке приходилось долго, часами.

Поэтому Алла никогда не завтракала, чтобы потом не проситься по неотложной надобности. Да это и невозможно, когда ты вся утыкана иголками, как ёж.

Старалась есть и пить немного, чтобы ее талия в 47 сантиметров не увеличилась, не дай бог! Конечно, в ателье были девушки и покрупнее ее, но все без исключения старались соблюдать диету и правильный распорядок дня, чтобы всегда выглядеть красиво и не менять размер талии, груди и бедер.

Мэтр был добр со своими манекенщицами, но требовал неукоснительного соблюдения стандарта фигуры. Хотя иногда и давал особым своим любимицам поблажки, в виде платья на особый выход, на вечерок. Конечно, только те платья и наряды, что были поскромнее и не имели собственных наименований, а только цифровые обозначения.

Наверное, можно было поискать работу и поденжнее, и на это постоянно намекала мама, но Алла любила это состояние, эти часы кропотливой работы швей, кружащих вокруг нее, словно пчелы в улье, это ожидание чуда, когда из кусков материи шаг за шагом появлялось потрясающее любое воображение платье. Не говоря уже о том чувстве восторженного ожи-

дания, когда стоишь в выстраданном тобой чуде швейной архитектуры, которое полностью готово к выходу на подиум!

Да и платил мэтр хоть немного, зато постоянно, без задержек. В послевоенном Париже постоянной работы было мало. Алле, познавшей труд посудомойщицы во всегда набитой людьми дешевой столовой, работа кабинной манекенщицы в фешенебельном ателье вовсе не казалась тяжелой.

Сам мэтр стоял чуть поодаль и наблюдал за процессом сборки платья. В руках у него были вечные блокнот и карандаш. Опершись локтем на подоконник и время от времени внимательно поглядывая на стоящую на подставке Аллу и суетившихся вокруг нее швей, он снова и снова чертил в блокноте женские силуэты, зарисовывая каждый вид платья со всех сторон.

Вспомнив вчерашний разговор с месье Лесажем, он снова нахмурился и его карандаш стал непроизвольно и нервно прорисовывать детали будущей вышивки.

Папаша Лесаж собирался на покой и вызвал для передачи бизнеса своего сына, уже три года жившего и работавшего в Голливуде.

Молодой Лесаж был, говорят, очень хорош в вышивке, да и как портной, был на хорошем счету у многих американских звезд экрана.

Однако во вчерашнем разговоре Франсуа был очень недоволен проектом одной из вышивок Диора. Сказал, что реализовать это невозможно и что творить, держа в руках карандаш, да на бумаге, любой может. И что проекты создавать надо бы, имея свой собственный портновский опыт. Как, например, мадам Мадлен Вионне или мадам Эльза Скиапарелли, которые открыли свои модные дома, проработав закройщицами и портнихами долгие годы.

Да, конечно, он, Диор, не имел собственного портновского опыта и мог только рисовать модели, которые отшивали нанятые им швеи. Но, черт возьми, кто-то же должен поднимать голову от раскройного стола и хоть иногда смотреть за горизонт! Да, Диор не умеет шить, но он умеет мечтать! Конечно, не все его мечты могут реализовывать даже очень умелые руки вышивальщиц, тут молодой Лесаж где-то прав... Придется спускаться иногда с небес на землю. Да и ссориться с сыном лучшего вышивальщика Европы не стоило...

Взгляд Диора сосредоточился на создаваемой на Алле юбке для платья. Это платье он назвал «Май». Нежность молодых листиков клевера и разбросанные меж ними некрупные, но яркие цветочки на нежнейшем белом тюле должны были вызвать ассоциацию с весной, теплыми майскими днями, когда природа только просыпается, выдавая стрелки тоненьких листочков и рассыпая везде яркие головки цветущего клевера.

Алла стояла, наклонившись к рукам девушки-швеи и внимательно смотрела, как закладываются складки. Диор залюбовался тонкой фигурой Аллы, умевшей даже наклоняться настолько гармонично и элегантно.

Он вспомнил тот день, год назад, когда случайно увидел Аллу, стоявшую без дела и явно скучавшую в коридоре ателье.

Один взгляд опытного модельера и он понял – это она! Невероятная, тончайшая талия, высокий рост, экзотическая восточная внешность! Подозвав ассистентку, он попросил пригласить девушку на кастинг. Девушка явно удивилась просьбе ассистентки, но согласилась пройти в кабину и переодеться. Увидев ее на вестибюле, мэтр понял, что не ошибся.

Алла, можно сказать, совершенно неподготовленная, пришедшая с улицы, шла по вестибюлю с такой грацией и элегантностью, даже с каким-то невозмутимым аристократизмом, которых он часто не мог добиться от других его манекенщиц. Все это, помноженное на природную естественную красоту девушки, производило потрясающий эффект!

Диор был в своем любимом белом халате, и, замешавшись в кучу рабочих в белых комбинезонах, готовивших комнату к покраске, наблюдал, как ходила по вестибюлю эта девушка.

– Бинго! Я нашел изюминку этой коллекции! Эти черные глаза сведут с ума нашу публику! Кажется, восточный флёр просто необходим, чтобы разбудить Европу!

– Передайте этой девушке, что она ангажирована, мадам! – обратился он к ассистентке.
– Хорошо! – деловито кивнула она и быстро побежала за уже выходявшей из зала Аллой.

Мысли Диора вернулись в комнату. Мастерница справилась со складками и мэтр подошел, чтобы удостовериться, что складки заложены правильно, как он и задумывал. Немного поправив юбку на Алле, он отошел, прикрыл один глаз и оглядев всю конструкцию с одной, только ему видимой точки, скомандовал:

– Мадам, пришивайте лиф! Складками я удовлетворен!

– Ура! Алла радостно наблюдала в зеркало, как руки мастериц сновисто орудовали, сшивая детали платья и вынимая бесчисленные булавки из пояса юбки. – Все! Можно хоть немного размяться! До вечера ещё так далеко!

Сегодня она собиралась пойти посидеть с Элен в ресторанчике неподалеку. Подруга была русская и у нее могли быть какие-нибудь новости из России.

– Ну, мало ли что, а вдруг будет хоть какая-то весть об отце?

Вспомнив отца, Алла погрустнела, черные глаза налились непрошенными слезами.

Столько же пришлось им всем пережить с той поры, как отец посадил их в Шанхае с матерью на тот норвежский пароход! В памяти только и осталась одинокая, удалявшаяся так быстро и становившаяся все меньше и меньше фигурка отца в пальто с поднятым воротником...

Алла незаметно смахнула слезу. Отец очень любил ее, но видела она его редко. Он был постоянно на работе, на своей железной дороге, и редкими были его часы и дни отдыха. Алла вспомнила, как отец любил своего большого вороного коня, возился с ним на заднем дворе их харбинского дома. Конь напоминал ему далекую казахскую родину.

– А я так и не научилась скакать на лошади! – с сожалением подумала она. – Вот бы был с нами отец, он бы научил давным-давно!

Она вспомнила, как отец вихрем взмывал на своего вороного, даже не пользуясь стременами!

– Это все начинается с детства! – говорил он. Когда его отец, уже городской житель, отправлял сына в аул, все городские привычки мальчика моментально куда-то исчезали. Гимназист куда-то пропадал. В ауле он учился седлать лошадь, стреножить, чистить ее, поить, отпускать на выпас.

– Всё это знание у меня с детства! – говорил отец. – И девочки тоже умели все это делать.

Но Аллу так и не успел научить. Всегда вмешивалась мама и требовала прекратить таскать девочку на задний двор, где были грязь и микробы. Да, профессия обязывала ее быть такой въедливой. Даже выучившись впоследствии на оперную певицу в Париже, мама так и осталась в душе зубным техником. Карьера оперной певицы особо не задалась, и мама пела по кафе-шантанам, иногда выезжая на гастроли по окрестным городкам с русской труппой.

Алла встряхнула головой, будто отгоняя непрошенные мысли об отце. Хватит уже мечтать о несбыточном! Столько лет прошло! Он бы хоть какую весточку передал, если бы был жив...

Швеи закончили приметывать верхнюю, вышитую юбку к лифу и нижней юбке. Ансамбль практически закончен.

Диор удовлетворенно оглядывал платье, Алла медленно поворачивалась в своем обычном стиле, переступая ножками, будто в танце.

Полностью вышитый зелеными нитями лиф, отороченный сверху воздушной белой шелковой вуалью, будто фосфоресцировал, оттеняя цвет ее смугловатой кожи.

– Кажется, неплохо выходит! – радостно подумал Диор. – Думаю, на весенне-летнем показе оно произведет фурор. Теперь главное, чтоб юный Лесаж смог делать хорошие копии этой вышивки для заказчиц...

Диор помахал швеям рукой, послал воздушный поцелуй Алле и вышел из кабины.

– Все! Я свободна! – пела в душе Алла, предвкушая приятный вечер с подругой. – А, может, попросить платье на вечер у месье Диора? Я же так много работаю...

Сегодня Алла собиралась встретиться, наконец, с любимой школьной подругой Леной. Выйдя после шести из ателье, она поспешила в то маленькое кафе на улице Франциска, где они иногда встречались.

Подруга уже была в кафе и сидела в ожидании Аллы, ничего не заказывая. Они так делали всегда, чтобы потом вместе пить чай или кофе и болтать о всяком разном. Лена занималась балетом, как и раньше. И ей было очень интересно узнавать от Аллы, с какими звездами Алла встречалась по работе, как они выглядели, о чем говорили. Завидев входящую Аллу, она помахала ей рукой, привлекая внимание.

Алла, остановившись у порога, оглядывала небольшой зал и сразу увидела махавшую ей рукой подругу. Быстро подойдя к столику, она бросила сумочку на стул, сняла бережно пальто и пристроила его на спинку стула. Поцеловавшись, девушки расселись и Лена сделала знак официанту.

– Два чая? Аля, ты что пить будешь?

– Да, чай мне, пожалуйста.

Алла разместилась за крохотным столиком и внимательно осмотрела подругу.

– Лен, ты снова худеешь, что ли? Кожа да кости.

– Да, ладно, это для балерин нормально. Сама-то ты сколько вешишь?

– Сорок пять килограмм. И поправляться нельзя, а то платья не влезут, те, что пошиты на меня.

– А меня партнер не поднимет. Так что нельзя поправляться тоже.

– Ааа... А сейчас с кем танцуешь?

– С Даниелем, ты его не знаешь. Но он очень неплохо подготовлен, из хорошей школы. Но скажи, кого я встретила, пока к тебе шла? Угадай!

– Даже не представляю... Жана Маре? Он тут где-то рядом живет, девочки встречали.

– Нет, не Жана Маре. Другого персонажа. И ты его хорошо знаешь! Ну, подумай! Мы с ним в школе учились.

– Даже не представляю, о ком ты.

– Аля, ты Патрика помнишь? Ну, того, что доставал тебя в средней школе? Когда ты только пришла к нам. Противный такой!

– Помню. Так и хотелось ему по шее надавать! Доставал своими наездами! А что это ты вспомнила его?

– Ты помнишь, я тебе говорила, что мальчишки тебя достают и придираются, чтобы ты обратила на них внимание?

– Помню. Но это твои домыслы, Ленка! Такая злоба не может быть мотивирована добрыми и искренними чувствами.

– А вот зря ты так думаешь. Очень даже может! Я сейчас, пока шла сюда, встретила этого Патрика на улице. И первое, что он спросил, как ты поживаешь! Ты, Алька! Не я. Я так удивилась. Сказала, что у тебя все хорошо, в модельном бизнесе, манекенщицей работаешь, тут неподалеку. А он мне – я так и думал, она ведь была такая красивая в школе! Я прямо встала на тротуаре и не знала, что сказать. Потом спросила, а зачем он тебя дергал и доставал своими тупыми шутками. А он мне – она не смотрела на меня! Я для нее был маленький дурачок. А она мне очень нравилась! Алька, представляешь, так и сказал!

– Да ладно, придумывает он просто, чтоб не поминали его лихом. Не замечала я его добрых чувств. И ты не замечала. Значит, их не было!

– Ну, не знаю... Он выглядел искренним вообще-то. А впрочем, какая нам с тобой разница! Какой-то Патрик из давнего прошлого, видишь ли, не просто так тебя донимал. Да пошел он! Забудь!

– Ага, забудем. Прошное, слава богу, ушло в небытие. Все эти издевательства, обидные клички, тупые шутки, дерганье косичек – все это там, откуда не возвращаются!

– Именно! И чего это я его встретила? Чтобы понять что? Что все не так, как видится снаружи?

– Ой, Лен, не впадай в философию! Если мы еще будем обдумывать детские проступки всех, кто нам встретился в жизни, нам не хватит времени, что бы самим жить и веселиться! Шел бы этот Патрик своей дорогой! А мы – своей! Давай на радостях выпьем по капучино? Я еще не ела с утра. Чай допьем и по кофейку!

Глава 7. Сон с аруахом

Сегодня Алла почему-то устала намного раньше, чем обычно. Время, ежедневно проводимое ею на круглой высокой подставке, где мастерицы формировали на ее фигуре новые фасоны, стало для нее не обычной рутинной работой, а чем-то тяжелым, даже непосильным. Сегодня Алла просто падала с подножки. Она попросила перерыв гораздо раньше обычного и спряталась в подсобку, чтобы посидеть там в темноте и тишине, без этого белого шума, всегда сопровождающего создание фасона и работу мастериц.

Она села на стул, стоявший напротив манекена и вытянула ноги, блаженно прикрыв глаза. В голове вертелись мысли о том, о сем. Постепенно успокаивая их течение, Алла впала в бездумное созерцание.

Она находилась в безграничном темном пространстве, ощущая себя лишь пылинкой. У нее больше не было тела, только дух, почти прозрачным шлейфом вьющийся в пространстве. Жизнь во всем ее многоголосье не пробивалась в это пространство. Здесь было тихо и темно.

Алла спокойно наблюдала, как вокруг ее духа стал материализоваться какой-то незнакомый образ. Он плыл, принимая то женскую, то мужскую форму, порой обретая в своей трансформации что-то звериное.

В Аллу уперся чей-то взгляд, вернее, это был один глаз. Он тоже переливался, будто не успевая принять окончательную форму и даже моргал.

Потом в ее голове раздался голос.

– Дочь моя, не забывай свой род, помни, кто ты есть.

– Я помню, отец... – ответила неслышно Алла.

– Помни и знай, твои предки всегда за тобой. Покажи этому миру себя...

Глаз стал отдаляться, принимая форму лица, лица ее отца. Алла следила за его превращением и ей очень хотелось спросить, жив ли ее отец. Но она боялась разрушить магию этого действия своим вопросом. Лицо удалялось в пространстве, грозя совсем исчезнуть и Алла решилась.

– Скажи, а мой отец жив? – мысленно прошептала она. Лицо остановилось и снова стало приближаться.

– Жив... жив... жив... – будто эхом отдавался в ее голове его ответ.

Алла почувствовала, как слезы стали проливаться из ее глаз, будто сорвав плотину.

Жив! – билась в голове только эта мысль. Лицо вновь стало отдаляться.

– Но что мне делать? – мысленно крикнула ему вслед Алла.

– Работай хорошо, я смотрю за тобой... – прошелестело в мозгу.

Алла спала, неудобно сидя на стуле. Тело ее скособоилось на одну сторону, а голова свесилась немного назад, упершись затылком в стену. Лицо было залито слезами, хотя она и казалась спящей.

Неожиданно дверь подсобки открылась и в нее заглянула голова помощницы.

– Алла, вот вы где! Мы вас ждем, просыпайтесь, пожалуйста! – громко сказала она, глядя на Аллу, сидевшую, как сломанная кукла, на стуле у стены.

Зов помощницы разбудил ее. Алла потихоньку возвращалась в реальность, но сознание еще не отпускало увиденное.

Что это было? – подумала она, проведя по лицу руками. Ладонь стала мокрой. Я плакала? – удивилась про себя Алла. – Но почему? А, я же видела папу... И оно сказала, что он жив. Боже, надеюсь, это правда.

Алла открыла глаза и подняла руку, присматриваясь к часикам. Но было слишком темно и циферблата не было видно. Она вздохнула, освобождаясь от магической пелены сна и встала. Потянулась всем телом, встала и твердым шагом покинула кладовку.

Она вспоминала свой сон весь остаток дня. Это что же, дух моих предков приходил? Надо же, и ведь никому не расскажешь... Не поверят. Да я бы сама не поверила. Если бы папа не рассказывал мне в детстве о них. Может, и он жив благодаря их поддержке? Да и мы с мамой тоже...

Глава 8. Первое дефиле

1948

Алла сидела в гримерке перед последним зеркалом, наводя лоск перед дефиле. Вокруг кипела жизнь, стоял шум, девушки, прилипнув к зеркалам, поправляли свой макияж. Между рядами стульев бегали помощницы, хлопотливо навешивая на дверцы шкафов плечики с нарядами. На каждом был приколот номер, который прямо перед выходом на подиум нужно было не забыть отколоть. Иначе мэтр мог и отругать, а в кассе виновница могла не получить полную сумму недельного заработка.

Алла работала в ателье уже около года, но все ещё ни разу не выходила в зал на дефиле. Ее работа была в примерочных кабинках, где она целыми днями терпеливо стояла, как деревянный манекен на круглой подножке. Их так и звали манекенщицами, они заменили собой настоящие деревянные манекены по размерам, которые все еще хранились в собственном складе ателье.

Каждой манекенщице тоже делали до десяти манекенов, чтобы потом наряд надевался и хранился до следующего дефиле на своем собственном манекене. Такие же манекены делались на самых частых и привилегированных заказчиц.

Сегодня не пришла одна из наемных, подиумных манекенщиц по имени Жанна и мэтр потребовал найти среди своих подходящую по размерам девушку. Подходящей по размеру, но чуть выше Жанны из своих, кабинных, оказалась Алла. И поэтому сейчас она сидела среди всего этого бардака и пыталась нарисовать себе красивое лицо.

Алла прекрасно осознавала, что очень отличается от всех. Собственно, ее и ангажировал мэтр для работы в закрытых от посетителей дальних мастерских лишь потому, что ему приглянулась ее талия в 47 см. А вовсе не ее лицо. Надо было как-то привести свое лицо в соответствие с другими европейскими лицами.

Алла очень старалась, нанося пудру несоответствующего розового тона на свою довольно смуглую кожу. Пудра слегка отбелила ее, одновременно высветив довольно круглые щеки. Алла и без того мало ела, зная, что нельзя выходить из своего размера, но щеки... Они предательски указывали на ее азиатское происхождение.

Алла размышляла, полностью отключившись от шума гримерки. Думала, что бы сделать, чтобы глаза ее были побольше. Или хотя бы подлиннее, чтобы скорректировать ширину скул и щек. И вспомнила! Вспомнила, как ещё в школе нашла решение проблемы своих глаз! И своих щек!

Алла схватила карандаш и стала тщательно обрисовывать тонкой линией по контуру оба глаза, потом поставила удлиняющие черточки. Потом сделала их потолще и выше к вискам, выведя тонкие кончики.

В зеркало на нее вновь смотрела незнакомая девушка с лебединой шеей, светлым лицом и маленьким красным ртом. И загадочными, темными глазами, так хорошо подчеркнутыми темными, будто нарисованными бровями. Так, на брови тоже кинем акцент, чтобы были в одной гамме со стрелками глаз... Отлично! Будто новое лицо!

Мэтр вошел в гримерную, где кипела работа. Он внимательно осматривал весь ряд сидящих у зеркал манекенщиц, почти дойдя до края и... Кто это там? Мэтр прищурился, отыскивая это лицо вновь в мельтешении лиц и нарядов. Потом стремительно пошел, почти побежал в угол гримерной. Склонился ближе к зеркалу, вглядываясь и не веря своим глазам.

– Алла? Это вы?

Удивлению его не было предела. Перед ним сидела и взволнованно смотрела на него девушка, будто никогда не виданная им раньше. Эти пышные волосы, тоненькая фигурка, карминный рот с рядами блестящих белых зубов. И эти глаза, глубокие, как ночь...

– Месье Диор! Вы что, меня не узнали? Я же Алла, кабинная манекенщица, из мастерской мадам...

Она не успела договорить, как мэтр схватил ее за плечо и спросил, волнуясь: – Алла, какой номер вы должны демонстрировать?

– Э-э-э, 29, кажется.

– Так, это пышное голубое шелковое платье на кринолине?

– Да, вот оно, висит, я ещё готовлюсь надевать корсет к нему. Мадемуазель Жанна должна была его демонстрировать, но заболела. И назначили меня.

– Хорошо, готовьтесь, не буду вам мешать. И добавьте голубые тени на веки, немного. Для баланса.

Диор отошел в середину гримерной и продолжил наблюдать за подготовкой к дефиле. В то же время он обдумывал, какой эффект произведет появление манекенщицы с таким оригинальным лицом в зале, где присутствовали такие богатые клиентки.

Платье, что должна была продемонстрировать Алла, не относилось к самым дорогим, было в средней категории и, возможно, ее появление не будет так уж сильно заметным в веренице из 120 моделей этого сезона.

Диор колебался. Ему было понятно, что наличие такой необычной девушки в когорте его манекенщиц вызовет какой-то интерес, но он не мог прогнозировать, какой именно. А вдруг богатые клиентки оскорбятся тем, что им предлагает платье азиатка? Может, снять Аллу с показа, пока не поздно?

Диор снова посмотрел в тот угол, где Алла уже стояла, одетая в платье и готовая к дефиле. Она была прелестна и очень заметна, как яркий цветок фиалки среди бледных маргариток.

Да и ладно, чем черт не шутит, пока бог спит! – подумал мэтр в совсем не свойственной ему манере. Как бы сопровождая свою крамольную мысль, он неосознанно рубанул воздух ребром ладони, отбрасывая прочь тревожащие мысли.

– Девочки, внимание! – он похлопал в ладоши, требуя тишины. Все враз замолчали и, обернувшись на его голос, застыли во всех позах.

Алла вскинула голову, всем телом повернувшись к мэтру. Она очень волновалась. Это был ее первый выход на дефиле, а она совсем не знала, как надо ходить по подиуму. Конечно, она видела это не раз, но одно дело видеть, и совсем другое – выходить под сотни придирчивых, требовательных глаз сидящих в зале клиенток! И ведь ещё придется идти по лестнице! Там нужно быть очень внимательной, потому что посреди оставлен лишь узкий проход, а слева и справа сидят люди, не поместившиеся в зале.

Мэтр снова похлопал в ладоши. Наступила тишина.

– Все помнят, что нужно снимать бумажный номерок перед выходом? Если все уже одеты, постройтесь, пожалуйста, в шеренгу, в соответствии с вашим номером!

Гримерная снова забурилась, зашевелилась и загудела. Девушки, заканчивая свой макияж, вглядывались в свои отражения, нанося последние штрихи к своему образу.

Алла была готова. Волнение последних минут уступило место собранности и спокойствию. Она заняла свое место в шеренге и стала ждать своего номера, не замечая удивленных взглядов других девушек, пробегающих перед ней на свое место в шеренге. Некоторые из них даже выглядывали из строя, оборачиваясь назад, на стоящую почти в самом конце первой шеренги Аллу.

Многие из манекенщиц были приглашенными и не знали кабинных из ателье месье Диора. Алла стояла, смотря перед собой и чутко улавливая звуки речи распорядительницы дефиле в зале. Она не замечала любопытных взглядов девушек, поглощенная лишь собой.

Шеренга выстроилась неровной змейкой. Диор стоял в самом начале, волнуясь, как в первый раз. К его обычным волнениям прибавилась и тревога о том, как отнесется к его эксперименту публика в зале. Что будут писать газеты?

Распорядительница, мадам Раймонда, громко объявила о начале дефиле. Шеренга пришла в движение. Первая манекенщица пошла по первому залу, сопровождаемая громким описанием ее наряда. Следующая... Следующая...

Девушки, как птички, выпархивали из двойных дверей в белый, залитый светом больших люстр главный зал ателье и, слегка покачивая бедрами, плыли среди кресел зрительниц, поглядывая себе под ноги, чтобы случайно не запнуться и не упасть.

Алла ждала своей очереди, думая о том, что же там будет. Выкрикнули номер 28. Алла сняла бумажку с номером со своей груди и, не зная, куда деть ее, зажала в кулачке. Следующая – она.

– Номер 29! Платье из голубого дамасского шелка муар на кринолине!

Алла встрепенулась и шагнула из полутьмы гримерной в зал, навстречу свету. Шум моментально стих. Глаза устремились на нее. Алла будто плыла, внимательно продвигаясь по запруженному зрителями залу. Подняв подбородок и смотря только вперед почти зажмуренными от света глазами, она шла, ориентируясь по движениям идущей впереди девушки.

Дойдя до конца зала, она выставила вперед левую ногу и, лихо крутанувшись на пальцах ноги, повернула назад. Теперь надо было обойти зал по другому краю, и выйдя на лестницу, подняться вверх, на второй этаж, где тоже сидели зрители. Обойдя и этот зал, следовало снова выйти на лестничную площадку и зайти в другие двери, ведущие в технические помещения ателье.

Алла на автомате проделывала все эти движения, не замечая удивленных лиц и открытых ртов клиенток. Главное – не запутаться в длинной юбке и не упасть.

В зале без конца раздавался зычный голос мадам Раймонды, объявляющей новые номера. Алла почти закончила свой проход и, остановившись перед лестницей второго этажа, не удержавшись, посмотрела на зрителей, улыбнулась и быстро вошла в двери.

– Фуух! Теперь можно и выдохнуть! Неужели я сделала это!?

Алла быстро побежала вниз по другой, железной лесенке, подбирая подол платья повыше. Добежав до гримерки, она с помощью помощницы быстро переделалась в цветное летнее платье из сатина, бросила быстрый взгляд в зеркало и снова встала в шеренгу.

Второй выход был уже не так страшен, как первый. Алла почти спокойно обошла два зала, уже даже успевая ловить чьи-то удивленные взгляды и, почти не волнуясь, вернулась в гримерку. Все! Работа на этом дефиле была закончена!

Алла сидела перед зеркалом, вынимая из прически шпильки и пытаясь нащупать заколку, когда почувствовала на своем плече руку Рене. Подруга стояла за ее спиной и внимательно смотрела ей в лицо.

– Алла, что ты сделала с глазами? Твой макияж совсем изменил тебя, прямо не узнать. Ты такая красивая.

Рене была невысокой худенькой шатенкой с зеленовато-карими глазами, типичной французской внешности, и с самого своего появления в ателье занимала особое место, благодаря своей типичной французской внешности.

На нее был пошит знаменитый жакет «Бар», ставший легендой Высокой моды. Она участвовала во всех дефиле ателье на первых ролях, являясь одной из немногих любимиц мэтра. То, что она подружилась с кабинной манекенщицей Аллой, пришедшей почти через год после открытия, было совсем нетипично для ее высокого статуса в ателье. У Рене даже был собственный именной гримировальный столик в центре примерочной, куда никто из девушек не смел присаживаться.

Алла улыбнулась отражению Рене в зеркале и сказала:

– Рене, ты же знаешь, я в первый раз работала в зале. Хочется быть покрасивей, чтобы не подвести месье Диора. Сомневаюсь, что мне предложат другой ангажемент на дефиле, я же кабинная.

– А зря ты так думаешь, – прошептала Рене, склонившись к уху Аллы. – Ты что, не заметила, как на тебя все смотрели, открыв рты?

– Да ладно! Так уж и смотрели? Я вообще ничего не видела, боялась упасть.

– Понятно... – пропела Рене, нежно убирая пышную прядку с лица Аллы. – Думаю, ты скоро удивишься... очень...

И, шутливо дернув подругу за прядку, Рене отошла в полумрак раздевалки, к своему, особенному столику.

Диор сидел, вжавшись в кресло и бездумно черкал карандашом в блокноте. Он был в ожидании скандала. Выпустив Аллу на подиум, он знал, что расплата неизбежна. Завтра все газеты выйдут с кричащими заголовками. И будут требовать уволить Аллу. Он снова вспомнил ту гнетущую тишину, что установилась, как только Алла вылетела в зал. Обычный для показов шумок, покашливание, шелест одежды, все это прекратилось разом.

Люди ошеломленно смотрели на Аллу, а когда она проходила мимо, поворачивали головы и следили за ней взглядом, не обращая внимания на следующую модель. Это было так необычно для показов. И Диор подозревал, что эта тишина и внимание – неспроста.

После показа девушки-продавщицы обычно начинали работать в зале, собирая заказы и беседуя с клиентками.

Как ни странно, сейчас никакого необычного шума из залов не доносилось.

Диор выглянул из кабинета, как мальчишка. Прокрался к лестнице и прислушался. Все было, как обычно. Неумолчный женский говор, смех, отдельные слова. Чаще слышалось слова «красиво» и «необычно».

Диор, уже не таясь, поспокойнее прошел назад, в свой кабинет. А, может, все нормально? Может, клиентки не заметили, что Жанну заменяла Алла? Но как это можно не заметить? Алла же выглядит, как шемаханская царица рядом с остальными манекенщицами! Нет, тут что-то не так!

Подавляя свою тревогу, Диор решил отобедать не в ателье, как обычно, с мастерами, а сходить неподалёку в ресторан, где обычно собирались люди творческих профессий. Там, среди гула голосов и звяканья ножей и вилок об тарелки, он немного успокоился. В конце концов, зачем так беспокоиться? Обычный показ. А Аллу можно больше не просить заменять заболевших. Есть же и другие кабинные... Более привычные глазу.

Вернувшись к вечеру в ателье, мэтр пригласил мадам Раймонду и заведующую отделом продавщиц мадам Люлен к себе с отчетом. Было интересно их мнение о том, как прошел показ и сколько нарядов было уже заказано и оплачено. И сколько заказов объявлено авансом. Это была обычная практика в ателье.

Мадам Раймонда и заведующая торговым отделом пришли, каждая со своей папкой.

Рассевшись, они начали работать с цифрами. Торговля сообщила, что заказано почти сто нарядов, причем номер 29 заказали чуть ли не до четверти клиенток. Остальные цифры были значительно меньше. Конечно, цвет заказов модели номер 29 варьировался от черного до белого, включая всю гамму голубых, синих и серых оттенков. Придется поискать столько муара. Но почему 29 номер?

Диор прекрасно помнил, что платье под номером 29 было продемонстрировано Аллой.

Мадам Раймонда подняла голову от документа, строго посмотрела на мэтра и сказала, сдвинув брови:

– Опять эти ваши шуточки, месье Диор? Я чуть не поперхнулась, увидев вместо Жанны под этим номером кабинную Аллу! Предупреждать же надо! Что вы с ней сделали? Она сияла, как медный таз!

– Ох, мадам Раймонда, бог свидетель, я сам не знал, что она так изменится!

– Да, месье и мадам, ее макияж стал темой для очень многих обсуждений среди клиенток! – вступила в разговор мадам Люлен – Это было так необычно! Кто сделал ей этот макияж? Так красиво!

– Откровенно говоря, дамы, она сама и сделала себе этот макияж. Где она могла такое увидеть, не знаю, но для ее типа лица и цвета кожи она выбрала превосходный вариант! Если столько клиенток выбрало ее платье для заказа, то надо подумать, как использовать Аллу в будущем. Она явно выгодна в маркетинговом плане. Я подумаю об этом. Спасибо, дамы, за вашу работу, мы закончим на этом!

Диор мягко нажал на кнопку вызова секретарши. Она немедленно приоткрыла дверь и спросила, что нужно сделать.

– Женевьев, не знаете, кабинная Алла Ильчун ещё в ателье? Если она здесь, пригласите ее, пожалуйста.

Секретарша кивнула и закрыла дверь.

Мэтр погрузился в размышления. Конечно, столько заказов на одну модель, даже среднего ценового ряда, после одного дефиле – это удивительно. Учитывая, что эту модель демонстрировала Алла, дело явно в ней или в ее подаче. Кажется, я не зря рискнул, разрешив ей участвовать в дефиле. Но такого ещё не было в истории парижской Высокой моды, чтобы девушка неевропейской внешности дефилировала и была успешной. Завтра это может стать нашей антирекламой.

Ну, а если это новый тренд? – мысли мэтра приняли новое направление. Многие азиатские страны не участвовали в мировой войне. Там есть богатые и очень богатые люди. Таким увидеть дорогую модель платья на азиатской девушке будет очень приятно. Тем более, мы развиваем наш филиал в Нью-Йорке. А там полно людей всех цветов кожи. Кажется, я ухватил самую суть. Надо поговорить с Аллой и узнать ее поближе. Способна ли она поменять свой статус кабинной на более высокий? Кто она вообще?

Раздался негромкий деликатный стук в дверь.

– Да-да, войдите!

– Вызывали, месье Диор?

– Присаживайтесь, Алла. Я хотел поговорить с вами о сегодняшнем дефиле.

– Да, месье Диор. Что вас интересует?

– Какие чувства вы испытывали, участвуя в дефиле без подготовки? Вам было боязно? Или у вас есть подготовка?

– У меня нет специальной подготовки, месье Диор. Я немного волновалась, чтобы не упасть. Это все.

– Я видел, как вы развернулись через левую ногу в конце прохода. Откуда это у вас? Сами придумали?

– Я – амбидекстр, месье. Поворачивать через левую ногу мне удобнее. В школьные годы я немного занималась балетом, но оккупация помешала. Люблю танцевать.

– А кто придумал эти ваши стрелки? Вообще, этот ваш макияж?

– Я сама придумала, месье. Ещё в школе. Европейский макияж мне не совсем подходит, глаза узкие.

– Алла, не скрою, я волновался сегодня за ваш выход. Учитывая, что вы не дефилировали у нас раньше. Да и ваша внешность могла вызвать возмущение клиенток. Как видите, я не скрываю своих сомнений. В отличие от многих, я готов разумно рисковать, расширяя возможности нашего ателье. Готовы ли вы помогать мне на этом нелегком пути? Придется много ездить по другим странам. Знаете ли вы другие языки?

– Да, месье Диор, я могу. Я живу с мамой. И говорю на четырех языках, на двух – свободно, французском и русском, на английском и немецком – говорю и понимаю.

Диор с изумлением смотрел на девушку, которая с такой простотой говорила о том, что владеет четырьмя языками! И это сокровище стояло, утыканное булавками, в дальних мастерских уже больше года! Как же слепы бывают люди!

– Я как-то слышал, что вы с Таней говорили по-русски. Где вы его выучили, мадам?

– Моя мать – русская. Дома мы говорим по-русски.

– А отец? Если не секрет?

– Мой отец остался в Китае, не смог уехать с нами. Мы – эмигранты из Китая.

– Благодарю вас, Алла, за вашу откровенность. Думаю, нас с вами ждут большие дела и проекты. Я вас больше не задерживаю.

Алла серьезно кивнула, встала и пошла к дверям. Выходя, она посмотрела на Диора и неожиданно улыбнулась. Прикрыла дверь и ушла. По лестнице прокатился дробный перестук ее каблучков.

Диор в задумчивости просидел некоторое время, размышляя о тех вариантах, что преподносит порою судьба. Потом засобирался домой.

Глава 9. Встреча с прошлым

Алла торопилась домой. Мелкий осенний дождь сеял так, что казалось, он сыплет отовсюду, даже снизу зонта, поддуваемый ветром. Дождь усиливался прямо на глазах.

Все прохожие мчались по улице, подняв воротники и нахлобучив зонты на свои головы. Выглядело это немного комично. Будто у них не было голов, а только тела и сверху зонты вместо голов.

Порыв ветра хлестнул струйками дождя по лицу Аллы и она, бросив думать о метро, побежала на стоянку такси, надеясь, что там есть свободные машины. При этом она смотрела себе под ноги, пытаясь обогнуть все лужи, жалко было почти новые туфельки.

Дождь припустил еще сильнее и Алла поменяла план. Рядом было маленькое кафе, и она решила переждать немного там. Взбегая на крыльцо, она столкнулась зонтами с каким-то мужчиной и, не удержавшись, чуть не упала со ступеньки. Он успел схватить ее за локоть и удержать от падения. Зонтик упал и Алла чертыхнулась. Мужчина быстро поднял ее зонтик, подал ей и они вместе вбежали в зал, отряхиваясь и шумно дыша.

– Простите, я не заметил вас из-за зонта. Дождь усиливается и я торопился. – сказал он, обращаясь к Алле.

– Ничего страшного, я и сама была невнимательна. Спасибо, что удержали меня от падения. – ответила она, подняв голову от рассматривания своих туфель и привычно улыбнувшись мужчине. Потом взгляд ее снова упал вниз. Мда... Туфли испорчены.

Мужчина был намного выше Аллы, такие редко встречались среди французов. Алла, отряхивая с себя капли дождя одной рукой, другой сложила аккуратно зонтик, поставила его в вазу для зонтов и присела за первый свободный столик. В кафе было не так много людей. Видимо, большинство пряталось здесь от дождя.

– Разрешите присесть к вам? – мужчина уже стоял возле ее столика, обращаясь к ней и она согласно кивнула, чуть отодвинув соседний стул.

Он снял свой плащ, повесив его на спинку этого стула и присел на свободный, напротив Аллы.

Подошел официант и Алла заказала себе горячий чай. Мужчина тоже заказал себе чай и, повернувшись лицом к Алле, улыбнулся.

Она смотрела в его зеленовато-карие глаза в облаке светлых ресниц, красивые темные брови и что-то будто мелькнуло в ее памяти. Знакомый, что ли?

– Алла? – Голос мужчины вывел ее из задумчивости.

– Да, я Алла. А вы?...

– А я – Патрик, мы с тобой в школе учились в одном классе. Помнишь меня?

Алла неверяще смотрела на этого вполне приличного, можно даже сказать, красивого мужчину и вспомнила коротышку Патрика. Неужели он так изменился?

– Хмм... Помню. – Алла поёжилась. – Как страшный сон. А ты изменился. Но какими судьбами ты здесь?

– Тебя искал. – Патрик несмело улыбнулся. Я здесь теперь часто прогуливаюсь. Надо же, встретил тебя под дождём! А сколько было теплых вечеров!

– И чуть не уронил с лестницы! – отпарировала всё ещё удивленная Алла.

– Но удержал же! – улыбнулся снова Патрик.

Ишь, улыбается тут мне, ужас моих школьных дней! – подумала Алла.

– А зачем искал меня?

– Да хотел извиниться. Во-первых...

– Поздно уже! – прервала его Алла. – Раньше надо было извиняться!

– Знаешь, я тут неподалеку встретил Элен недавно и она сказала, что ты здесь работаешь. Манекенщицей. У месье Кристиана Диора. Я так и думал, что ты прославишься. Ты всегда была красивой. Очень красивой. – Патрик взволнованно смотрел на нее, ожидая ответа.

– Да, Элен мне говорила, что видела тебя. Но, правда, зачем ты искал меня? Столько лет прошло... Мог бы и не извиняться. Мне это всегда было безразлично, все эти ваши дурацкие шутки и дразнилки. И твои в том числе.

Алла с любопытством посмотрела на Патрика. Надо же, красивой меня назвал. А раньше оглоблей обзывал. Чего тебе надо, придурок? – подумала она.

Патрик почему-то опустил взгляд и начал внимательно рассматривать свою чашку.

– Набирается сил что-то сказать. – подумала вдруг Алла и решила прервать этот его процесс.

– Дождь, кажется, кончился. Я пойду. – она привстала со стула.

– Подожди! – Патрик неожиданно схватил ее за лежавшую на столе руку. – Не уходи! Мы же так мало пообщались.

– Да хватит уже! – Алла выдернула руку и встала. Потом наклонилась и тихо сказала: – Ты не меняешься! Прощай! И не встречайся мне больше!

Патрик умоляюще смотрел на нее:

– Прости, Алла, я просто хотел увидеть тебя и извиниться.

– Извинился уже. – Алла и сама не понимала, почему рассердилась. Дела давно минувших дней и надо же, вдруг вспомнились из-за этого идиота! Всё давно уже не так и нечего вспоминать всякую ерунду!

Алла стала надевать промокшее пальто, рукава слиплись и она с трудом запихивала руку в рукав.

– Прости, я был таким идиотом! – Патрик уже стоял рядом и пытался помочь ей выпутать рукав пальто.

– Я просто был влюблён в тебя с самой первой встречи, а ты была так высокомерна со мной. Не замечала меня. Вот я и злился.

– Ты тупой, Патрик. Так не ухаживают за девочками. Нельзя быть таким навязчивым. И обзывать обидными словами.

– Да, я был таким идиотом! Я просто боюсь, что больше тебя не увижу. Когда Элен сказала, что ты здесь работаешь, я каждый день приходил сюда, на эту улицу, в надежде встретить тебя.

– Ну, вот, встретил. Что дальше? – Алла саркастически улыбнулась. – Чего хочешь? Чтоб я тебя вспомнила? Да я тебя и не забывала!

– Я не знаю, что сказать. Ты имеешь право злиться, Алла. Просто имей в виду, что я тебя дразнил не потому, что ты мне не нравилась. Очень нравилась. Я очень рад, что встретил тебя сегодня. Нет, я счастлив. Можешь меня ударить за все прошлые обиды. Не уходи...

Оглядев как будто ставшего меньше ростом Патрика, Алла покачала головой.

– Ладно. Я все поняла. Ты был влюблён и потому доставал меня своими придирками. Но зачем ты здесь сейчас?

– Я просто хотел увидеть тебя. Много лет хотел. Извиниться и быть друзьями. Если простишь, конечно. – понизив голос, сказал Патрик. Он выглядел слегка потерянным.

Алла разглядывала этого зачем-то вынырнувшего из прошлого человека и настроение ее изменилось.

– Друзьями? Хмм... Ладно. Я принимаю твои извинения. Можешь не терзаться. Спасибо, что считал меня красивой и был влюблён. Значит, было в тебе что-то человеческое. А теперь я хочу уйти и не ходи за мной. Я не дружу с мужчинами, даже если они были моими одноклассниками. Живи своей жизнью и не ищи меня. Я тебя простила и ухожу.

Алла надела, наконец, свой непослушный второй рукав, взяла зонтик и пошла к двери, не оглянувшись на так и оставшегося стоять столбом Патрика.

Проходя мимо бара, она оглянулась на зал. Люди пили и ели, в воздухе стоял дым от множества сигарет и всегдашний звон столовых приборов, тарелок. Неумолчный говор сидящих и поглощающих пищу людей. Никому не было дела до ее теперь уже закрытого гештальта.

Улыбнувшись своим мыслям, Алла открыла дверь и шагнула за порог.

Глава 10. Знакомство с Андре

1948.

Девочки говорили, что надо обязательно найти своего фотографа. Того, кто влюбится в тебя и сделает все, чтобы твои фотографии стали лучшими. Того, кто сделает тебя звездой.

Но мэтр, к сожалению, не хотел нанимать фотографа для ателье, считая эти затраты излишними. Так что его манекенщиц фотографировали все, кому не лень. Газетчики донимали особенно. Они выскакивали бог знает откуда, прицеливались и начинали командовать, требуя нужный им ракурс. С ними дружбы не заведешь, они бегают, как собаки по городу и ищут сюжеты. Зачем им дружить или влюбляться в каких-то манекенщиц? Так что Алла забросила эту мысль. Пусть кто угодно фотографирует, она всегда в форме.

Сегодня мэтр попросил всех девочек прийти пораньше. Они собрались на первом этаже и тихонько шушукались между собой, гадая, зачем их вызвали пораньше.

Откуда-то прилетел шепоток, что в Париж приехала группа киношников из Голливуда, и прямо сейчас они будут отбирать самых-самых для своего кинофильма. Девчонки тихо смеялись, предвкушая что-то интересное.

Но Алла спокойно ждала, кто придет их смотреть. В то, что ее могут куда-то выбрать, она особо не верила. Люди в основном не такие чуткие, как месье Диор, они не видят дальше своего носа. Но, конечно, она бы сыграла какую-нибудь роль... Ну, например, восточной принцессы.

В двойные входные двери ателье вошли двое мужчин в возрасте далеко за тридцать. Одного Алла уже раньше видела. Это был известный модный фотограф Анри де Картье-Брессон. Второго она ни разу не видела. Это был невысокий темноволосый мужчина южного типа, с яркими черными глазами и выраженными бровями, не очень-то похожий на француза.

Мэтр, любезно улыбаясь, подошел к ним и они начали негромко переговариваться. Девочки прекратили болтать и хихикать, все ждали, что же будет дальше.

Мэтр, улыбаясь, повернулся к девочкам и поднял руку.

– Попрошу тишины, мои дорогие! Эти два месье участвуют в проекте документального сериала о парижской моде и хотели бы побеседовать с вами. Это некое подобие небольшого кастинга с их вопросами. Прошу всех приготовиться к демонстрации, прямо в этих ваших костюмах. Съемки не будет, просто вариант небольшого дефиле. Алла, пожалуйста, подойдите ко мне.

Алла подошла поближе и мэтр негромко сказал ей, указав глазами на второго мужчину:

– Алла, это знаменитый военный корреспондент и фотограф-хроникер Роберт Капа. Второго вы знаете, это Анри де Картье-Брессон. Господин Капа говорит по-французски недостаточно хорошо, помогайте ему, пожалуйста, переводить с английского и назад, если понадобится.

– Окей, какие проблемы, помогу, конечно.

Алла повернулась к фотографам и представилась. Анри мило улыбнулся и поблагодарил за помощь. Черные глаза Роберта, до этого беспокойно оглядывавшие толпу девушек, остановились на ней и в них что-то промелькнуло. Смешно ему, что ли? Или интересно?

Алла быстро организовала девочек в шеренгу и они прошлись перед фотографами. Черные глаза Роберта неотступно следили за Аллой и она это отметила про себя. И в них было какое-то странное выражение. Может, он удивлен ее внешностью? Ну, что ж, не он первый.

Осмотр закончился и мэтр с двумя гостями ушел в свой кабинет. Вечером должны были прийти важные покупательницы и продавщицы бегали на склад за костюмами для демонстрации. До работы оставалось немного времени. Можно выпить чашечку кофе с подругой.

– Рене, как насчет кофе? Пойдем в буфет?

Рене согласилась и они с Аллой прошли по лестнице на второй этаж, где одна из комнат была приспособлена под буфет, здесь стояли бутылки с водой и можно было сварить себе кофе на маленькой плитке.

Рене, деликатно отведав мизинец, отпивала кофе маленькими глоточками и думала о чем-то. Потом она подняла глаза на Аллу.

– Алла, ты заметила, как на тебя смотрел месье Капа? Прямо глаз не отводил. Может, ты ему понравилась?

– Не знаю, Рене, понравилась или нет, но он и вправду немного смущал меня своим взглядом. Он вроде не мужским взглядом смотрел, а так, изучающе. Наверное, не встречал таких, как я, на подиуме. Нетипичная я.

– Да уж, весь Париж уже это заметил, – улыбнулась Рене.

В дверь буфета заглянула ассистентка мэтра.

– Ах, вот вы где! Алла, вас мэтр просит зайти к нему.

– Хорошо, Женевьев, я сейчас. Алла повернулась к Рене и сделала жалобное лицо. – Рене, сполоснешь чашку за меня? Скажи, как я выгляжу? Нормально?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.